

Николай Горнов

Бурундук – хозяин тайги

Николай Горнов

Бурундук – хозяин тайги

«Автор»

2004

Горнов Н. В.

Бурундук – хозяин тайги / Н. В. Горнов — «Автор», 2004

ISBN 978-5-457-12268-0

«...Бело-зеленая занавесь взорвалась снежным облаком. Андрей поморщился. Он хотел сказать о необходимости беречь патроны, но не успел – увидел, как из глубины снежной взвеси стремительно вырвался огромный зверь. Кукиш не растерялся. Невероятным, почти цирковым кульбитом, он отскочил под носом бурундука и, бросив ружье, на четвереньках проложил в сугробе «дорогу жизни». Бурундук, не ожидая от жертвы такой прыти, по инерции проскочил далеко вперед и, пытаясь развернуться, подскользнулся на ледяной плешке. Андрею казалось, что это происходит не с ним. Будто смотришь старое, черно-белое кино в деревенском клубе, где картинка на экране то идет полосами, то дергается, как паралитик. Он даже не осознал, как в руках оказалась «драгуновка». Грохнул выстрел. Бурундук с рёвом присел на задние лапы и бросился на второго охотника. Приклад привычно уперся в плечо. На ладони холодная тяжесть цевья. Выстрел. Еще выстрел. И еще...»

ISBN 978-5-457-12268-0

© Горнов Н. В., 2004

© Автор, 2004

Содержание

1.	5
2.	7
3.	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Николай Викторович Горнов (в соавторстве с Сергеем Павловым-мл.) Бурундук – хозяин тайги

*Колумбы росские, презрев угрюмый рок,
Меж бурундуков путь отворят на Восток,
И наша достигнет в Америку держава.*
М. В. Ломоносов

1.

В какой-то момент Андрею показалось, что за ним следят. Он непроизвольно подобрался и как бы невзначай пару раз обернулся. Взгляд упорно натыкался на одного и того же мужчину – непропорционально высокого и худого, который никак не вписывался в поток пешеходов и выпирал, как паховая грыжа. Андрей зашел в первый попавшийся магазин. «Хвост» не отставал. Пялился в мясные витрины и путался под ногами покупателей, то и дело извиняясь. Потом купил банку «кока-колы» и забился в узкую щель между кассой и ларьком с пестрой видеопродукцией. Видимо, в понятие русского гостеприимства до сих пор входят элементы откровенной слежки, поэтому американскому гражданину Эндрю Маккаммону придется с этим смириться и просто не обращать внимания.

Андрей рассеянно двигался в толпе пешеходов по узкому тротуару, мощеному плиткой. Улицу Ленина трудно узнать. Даже название поменяли на Любинский проспект. Откуда же всплыла эта Люба, закрывшая своей чахоточной грудью вечно живого Ильича? Давно Андрей не был в этом городе. Двадцать лет – целая жизнь. Однако прошлое все еще хватает за горло костлявой лапкой. Он не испытывал никогда тоски по тому Омску, в котором родился и вырос. Он давно привык считать родным Цинциннати, штат Огайо. Там его дом, любимая жена Эби и трое детей: Ева, Томми и Алекс. Бизнес тоже там. Собственно, по делам фирмы он и приехал в Омск. Инвестиции – черт бы их побрал! Партнер уговорил. Мол, кому же еще ехать в эту страну, если не тебе – русскому...

Голова с утра раскалывалась. Андрей поморщился. Разница во времени – одиннадцать часов. За три дня привыкнуть к этому невозможно. Всю ночь он проворочался в непривычно жесткой постели отеля «Иртыш», а теперь его безумно тянет в сон. К тому же, с утра воды горячей не было. Измучился, пока зубы чистил. И желудок опять бастует. Напрасно не послушал жену, она ведь предупреждала.

Сегодня Андрей решительно отменил все встречи. Два дня мучительных переговоров – псу под хвост. Полуразвалившийся завод синтетических моющих средств, который им сосватали московские адвокаты «Соломон Бразерс», требовал огромных вложений. Ужасное производство. Каменный век. Легче все снести и построить на том месте новое предприятие. Как ни странно, но даже в Марокко было меньше проблем.

Уткнувшись в огромный рекламный щит «Сибирского меха», Андрей подумал о шубке, которую хотел купить для жены. Оттянув тугую пружину двери, он зашел в прохладу салона, и в первую секунду испуганно отшатнулся. Посреди торгового зала, на возвышении, скалилось чучело бурундука. Неизвестный таксидермист постарался на славу. Бурундук угрожающе стоял на задних лапах, царапая воздух длинными когтями. На загривке топорщился мех. В маслянистых глазках-пуговках застыла мистическая ярость. Андрей почув-

ствовал, как лоб резко покрывается холодной испариной, и отвел взгляд. Правило номер один: никогда не смотри бурундуку в глаза.

Откуда-то сбоку выскочила девушка.

– Я могу вам чем-то помочь?

– Пожалуй, уже нет, – усмехнулся Андрей. Он вспомнил, на кого был похож этот высокий и худой, что увязался за ним на улице.

Замполит. Капитан Кучегура. Поселок Светлый, Усть-Ишимский Заградительный отряд, третья Застава...

Андрей тряхнул головой, отгоняя наваждение, и рывком выскочил из магазина, чуть не сбив с ног заторможенную покупательницу. Кучегура уже давно должен выйти в отставку и снимать урожай с пяти «соток» пригородной земли.

Поток пешеходов плавно обтекал его с двух сторон, но знакомого лица Андрей не разглядел, как ни старался...

2.

Особенно я любил слушать Михеича. Старый охотник не только знал много таежных баек, но и умел занимательно их рассказывать. Бывало, после утомительного дневного перехода уже и ног не чувствуешь, а ему хоть бы что. Подсядет к нашему костру, неторопливо свернет сигарку, смачно поплеывая на газетный лоскуток, и хитро улыбнется в бороду.

– Оно, конечно, вам видней, – начинал он, усаживаясь поудобней. – Вы здесь все прохвессора. Однако, бурундук – зверь неразборчивый. Ему что прохвессор, что тунгус – все едино. Был у меня дружок когда-то. Еголды его звали. Он у тунгусов навроде дохтура был...

Рассказчик Михеич прирожденный. Неплохо разбирался в обычаях и фольклоре местных жителей. Я, например, всегда с удовольствием слушал все истории о Цаган Эбуген. Так тунгусские охотники уважительно называют бурундука. Точный перевод этого слова я дать затрудняюсь, но что-то вроде «дух великого воина, живущего под землей». Правда, ко многому в этих рассказах я относился с недоверием. Бурундуки действительно сильны, хитры, многочисленны, но я не склонен преувеличивать опасность. За все время нашей экспедиции мы лишь раз столкнулись с бурундучьим прайдом. В это время года бурундуки не агрессивны и мы благополучно разминулись.

(«В погоне за тунгусским метеоритом», мемуары академика Зуенко; М: «Воениздат», 1949 г.)

– Ну, в общем, ты понял? – с нажимом произнес Федор Семенович и хрустнул пальцами.

Андрей угрюмо кивнул. Зря он пошел к Главному. Мог бы и сам догадаться. Вместе с тремя законными выходными в ноябре бывает демонстрация. Трудящиеся города Калачинска в едином порыве будут выражать солидарность трудящимся всего остального мира. А он, как самый молодой сотрудник газеты «Рабочая трибуна», никак не может пропустить ответственное мероприятие.

Тусклые лампы освещали пустые и гулкие коридоры редакции. Анжела – экзальтированная дамочка двадцати восьми лет – уже сложила сумочку и докрашивала губы.

– Можешь не рассказывать, я и так знаю.

Андрей простуженно шмыгнул носом. Столбик термометра уже неделю не поднимался выше 15 градусов мороза.

– Ты идешь? – Она игриво стрельнула глазками.

Он отрицательно мотнул головой. Редакционная общественность и так уже обсуждала перспективы развития их отношений. Маленькая, острозубая, радикально обесцвеченная Анжела не вызывала у него никаких чувств, кроме раздражения. «Ах, вчера собрался весь бо-о-мо-о-онд!»

– Не хочешь, не надо, – она демонстративно брякнула сумочкой об стол. – Кстати, не забудь посмотреть доску приказов. У шефа есть традиция назначать новичков дежурным на праздничные дни.

Стук ее каблучков постепенно затих. Андрей с тоской взглянул в окно. Темно, холодно, противно. В общежитие идти не хотелось. Маленькую угловую комнату на две койки он возненавидел с первого дня. Примерно на неделю позже он возненавидел город Калачинск, а с

ним всю редакцию «Рабочей трибуны». Подумать только, он мечтал стать корреспондентом. И ему, как лучшему на курсе, досталась единственная вакансия. Сокурсники, распределенные по школам, открыто завидовали счастливчику.

Университетский энтузиазм потух быстро, едва столкнулся с реалиями партийной газеты районного масштаба. За три месяца Андрей смертельно устал от доярок. От промышленного отдела. От грязи на улицах. От унылых трехэтажных домов с выгребной канализацией и от общежития текстильной фабрики. Он очень хотел домой, в Омск. Хотя бы на праздники. Вместо этого придется идти на демонстрацию в честь 61-ой годовщины Великого Октября, а потом сутки дежурить.

– Ненавижу! – прошептал Андрей и в сердцах стукнул кулаком по столешнице. Подстаканник откликнулся стеклянным звоном. Он снял его со стола, и стукнул снова, но уже сильнее. Тупая боль в руке отвлекла от мрачных раздумий.

В дверь заглянула уборщица и подозрительно осмотрела комнату.

– Добрый вечер, – вежливо поздоровался Андрей.

– Что-то упало? – поинтересовалась она и снова оглядела пол. – Я сейчас здесь мыть буду.

– Это на улице.

– Понятно, – протянула она, неохотно закрывая дверь.

Андрей вздохнул и напялил ушанку.

Мотальщицы и волочилыщицы с визгом носились по лестнице. Андрей сморщился от привычных уже запахов скученного быта. Пахло сохнувшим бельем, немытым телом, квашеной капустой, прогорклым маслом, несвежим мясом и еще чем-то трудноопределимым, но характерным для любого общежития. Наверное, так пахнет безысходность.

Две подружки, увлеченно болтая, едва не опрокинули на Андрея кастрюльку с супом.

– Галка, глянь: какой симпатичный! – прыснула одна.

Андрей безразлично протиснулся между внушительными бюстами и прошел к себе в комнату. Местных девушек кроили по одному лекалу. Коротконогие, широколицые, с маленьким бесформенным носом и глубоко утопленными глазками, словно кто-то специально собирал их вместе для неведомого паноптикума.

Сосед – молодой инженер с фабрики – либо еще не вернулся, либо уже ушел. Андрей наскоро приготовил ужин. Электроплитку он привез из дома, чтоб не мельтешить на общей кухне, и прятал ее от коменданта в картонной коробке с вещами. Неохотно запихнул в себя остатки вчерашней гречневой каши и запил холодным чаем.

Послonyaвшись из угла в угол, он достал из-под матраса общую тетрадь в коричневом переплете, вяло ее пролистал, и засунул обратно. За два последних месяца там не прибавилось ни строчки. Потом вытащил из чемодана первую попавшуюся книгу и, не разуваясь, завалился на кровать.

С утра началась предпраздничная суета. Номер уже пора было сдавать в типографию, но что-то не ладилось с передовицей. Райком не давал «добро», в ожидании рекомендаций из Области. Главный нервничал и не слезал с телефона, разложив на столе три готовых варианта.

Андрей не знал чем себя занять. И когда шестой раз вышел покурить, по закону подлости, столкнулся с ответсекретарем. Иван Демьянович скривился от дыма и привычным жестом поправил пиджак с рядами наградных планок.

– Ты зайди-ка ко мне, – сказал он, задумчиво ткнув Андрею в грудь покоренным пальцем. – Минуток через двадцать.

Настроение окончательно испортилось. Андрей швырнул в урну недокуренную сигарету и вернулся в отдел.

Ровно через двадцать минут он постучал в кабинет ответсекретаря. Иван Демьянович оторвался от статьи и махнул рукой в сторону потертого кресла.

– Значит, стихи пишешь?

– Пишу, – подтвердил Андрей растерянно. Такого поворота он просто не ожидал.

– Ну-ну, – хмыкнул Иван Демьянович, выдержав качаловскую паузу. – Прямо не знаю, как тебе и сказать... Звонили тут по твоему поводу. Интересовались. Как, мол, работает, чем занимается в свободное время.

– Откуда звонили?

– Из организации, ясен пень!

– Из какой организации? – Андрей ничего не понимал и чувствовал себя идиотом.

– Из той самой, которая всё знает. Я вот помню, – по молодости – тоже стихи писал. А потом война началась. Пошел на фронт добровольцем. «Кто сказал, что надо бросить песни на войне? После боя сердце просит музыки вдвойне!» Что молчишь-то?

– Думаю.

– А что тут думать? Дуй прямо сейчас в общежитие и всё подозрительное определи в мусорный бак. Они через пару часов здесь будут. Начнут, естественно, с обыска. Поверь, я на них в войну насмотрелся. Аккуратно все сделай и пулей обратно в редакцию. Не подводи старика. Да, мусорный бак выбери подальше от общежития, на всякий случай. Понял?

– Понял.

– Всё, свободен. Главное, никому ни слова.

Вахтер, по причине раннего часа, прикорнул в служебном помещении, поэтому в общежитие Андрей прошел никем не замеченный. Ему еще с трудом верилось в реальность происходящего. Чем могли заинтересоваться в столь серьезной организации? Его стихами? Полный бред. Он ни одного живого диссидента даже издалека не видел. Правда, кое-что слышал. Шепотки по углам, слухи разные. «Органы» в таких разговорах всплывали частенько.

Андрей сел на кровать и постарался сосредоточиться. Все надо делать не торопясь, и тщательно. Первым делом он сложил две общие тетради со стихами и небольшую рукописную книжку. Потом, подумав, отправил туда же папку с газетно-журнальными вырезками, которые собирал несколько лет. Жалко, но что поделаешь. Остальные вещи разложил, как можно естественнее, и, не оглядываясь, вышел из комнаты.

В редакции он старательно делал вид, что ничего не случилось. Его отсутствия, кажется, никто не заметил.

Гости появились сразу после обеда. Анжела с круглыми глазами забежала в отдел и сообщила, что Андрея вызывает к себе Главный.

– Заходи, – буркнул он, не глядя на Андрея. – Люди из Омска приехали. Хотят тебе несколько вопросов задать.

Федор Семенович отчаянно тер виски. Только этих неприятностей ему не хватало. Горячие, однако, грядут праздники.

Под прицелом равнодушных глаз Андрей пристроился у стола.

Приезжих было двое. Один молодой, усатый, в безукоризненном черном костюме, похожий на секретаря райкома комсомола. Он молчал и тихо барабанил пальцами. Второй уже в возрасте. Узел галстука сразу ослабил и постоянно утирал платком красное лицо.

Беседовали долго. Андрею казалось, что он как минимум дважды пересказал свою небогатую событиями биографию. Они слушали не перебивая, делали какие-то пометки и задавали наводящие вопросы. Больше всего их интересовало литобъединение «Академия»,

в деятельности которого Андрей, в бытность студентом, принимал самое непосредственное участие.

– В принципе, мы выяснили все, что хотели, – заключил краснолицый и посмотрел на коллегу. Тот кивнул. – Будем рады, если вы и в дальнейшем окажете добровольную помощь следствию. Когда понадобится, мы вас вызовем.

Андрей чувствовал себя как выжатый лимон. Сил хватило лишь на то, чтоб выдать: «до свиданья».

С этого момента вокруг него образовался некий вакуум. Косые взгляды, разговоры, стихавшие при его приближении, какая-то наэлектризованность атмосферы.

После праздника вызвали в Омск. Позвонили прямо Главному. Андрей поехал на электричке, посетил «серый дом» на улице Ленина, а когда на следующий день, с утра, пришел в редакцию, Главный вызвал его к себе в кабинет, и, отводя взгляд, предложил уволиться. По собственному желанию. Андрей должен понять. Как-никак, партийная газета.

Андрей понял. И после минутного раздумья написал заявление.

Прощаться с ним никто не пожелал. Только Иван Демьянович украдкой похлопал по плечу: «Крепись, Мандельштам. Все образуется». Тем же вечером Андрей уехал из Калачинска.

События раскручивались как туго стянутая пружина. С матерью чуть не случился сердечный приступ, когда к ним домой приехали с обыском. Работали без энтузиазма, но тщательно. Забрали все. Даже конспекты лекций по языкознанию и структурной лингвистике. На допросы вызывали почти ежедневно. Не так, как раньше, по звонку, а по повестке. Даже взяли подписку о невыезде. Андрей ел, ходил на допросы, а большую часть времени спал. Причем, мог неожиданно проснуться среди ночи и до утра просидеть на кухне, глядя в одну точку.

Потом его оставили в покое. До суда, на котором по делу об антисоветской агитации и пропаганде проходили несколько членов литкружка «Академия» и его идейный вдохновитель – поэт Игорь Приходько. Подробности морального разложения в рядах союзной молодежи осветила газета «Омская правда». Используя хлесткие эпитеты типа «чернокнижники» и «неблагодарные твари», общественность требовала «раздавить мерзкую гадину сапогом гуманного правосудия».

Во время обыска у Андрея изъяли пачку отпечатанных на машинке текстов. В том числе роман Булгакова «Бурундучье сердце», набоковскую «Лолиту» и поэму Ахматовой «Реквием». За неимением более существенных улик, пришлось строить обвинение на этом материале. Когда судья зачитал длинный список статей из Уголовного кодекса, мать не выдержала, и в обмороке сползла со скамьи. Андрея приговорили к трем годам общественно-исправительных работ...

3.

«... с Югры новгородцы приехала с бурундуком. Дети боярские и люди молоды воеводы, Александр Обакунович, воеваша по Оби-реке и до моря, а другая половина рати – наверх Оби...»

(Новгородская летопись; зима, 1364 г.)

«Мнози от гладу изомроша, московски вои и казацы, и воевода князь Семен Болховский тож от бурундука умре...»

(Кашлык, 1584 г.)

«... по вымотру стольника и воеводы Петра Ивановича Годунова с товарищи резан был по дереву и придан теснению «Чертеж Сибирския земли» бурундуками украшенный».

(Из Указа царя Алексея Михайловича, 1667 г.)

«Берёзовская Воеводская канцелярия определила для имеющих ясаших иноверцев от воровской самойди и бережения от злого бурундука послать берёзовского боярского сына Михаила Лихачёва, да казаков 20 человек».

(15 сентября, 1761 г.)

– Топай, Студент, топай! Вот ведь суки – не могли на «вертушке» забросить! – бубнил Кукиш, оскальзываясь на палой листве. Шел он первым. Не по инструкции, а от избытка энергии, не вмещавшейся в его тщедушном теле. Она вырывалась назойливым монологом и постоянно выталкивала его вперед по тропе.

Андрей боялся сбить дыхание. Придавленный «сидором» и перспективой дальнего пути, он откликался лишь на прямые обращения своего напарника, а порой и вообще не откликался. Делал вид, что не слышит. Кукиш не обижался.

– Такое, земляк, дело, бя буду! Полкан проговорился. План нам спустили, значит. Гнать в тайгу и поваров, и заразных. До хрена бурундука нужно. Где еще валюту брать для азиатских братьев во всем мире. А иначе нас на промысел в жизнь бы не законопатили. Точно, Студент?

Андрей промолчал, но согласился. Подполковнику Кваше так полюбилась его «халтура» для отрядной стенгазеты, что до ноябрьских праздников выбраться за «колючку» ему явно не светило. Как и Кукишу с его триппером. Вот ведь послал бог напарника, мрачно думал Андрей, уткнувшись в его мешок.

– ...те же яйца, только вид сбоку, – не смолкал Кукиш. – Не горюй, Студент. Набьем зверя и к Новому году по домам. Бля буду! Или на «химию», что тоже не хреново. Лишь бы бурундуки от вида нашей артиллерии не разбежались.

Кукиш отсалютовал сам себе двустолкой и издал воинственный клич. Андрей непрозвольно усмехнулся и поправил свою винтовку. Надо бы ремень подтянуть, да жаль ради такого пустяка делать привал.

На стрельбище у него прорезался неожиданный талант. Хоть на Олимпиаду посылай. Сорок девять из пятидесяти. Не иначе судьба приготовила ему эту «драгуновку» с потертым прикладом, краешек которого то ли сколот, то ли надкушен. Знать бы только – в награду или в наказание.

– Пятнадцать бурундуков на пару. Блин! Да с твоими способностями – как два пальца, бля буду! Ты ему в глаз, а я уж прикрою, не сомневайся. Слышишь, Студент?

– Слышу, слышу, не вопи ты, как резаный, – буркнул Андрей. Он бы запросто справился с нормой и один, да от этого её никто не уменьшит. Расчет вели на стрелка со «вторым номером». Да и опасность вдвоем намного меньше. При осечке или промахе Кукиш всегда подстрахует. Понятно, наткнись они на прайд, шансов нет у обоих. А «трехлетку» из двух стволов с жаканами напарник легко завалит. И на зимовье вдвоем проще. Дров нарубить, заимку подлатать. Тайги Андрей побаивался и присутствие хамоватого мужичка пусть раздражало, зато вселяло некоторую уверенность в благополучном исходе...

– Тебе бы еще «стеклышки», братан! Но ведь не дают, мерзавцы...

Оптические прицелы с винтовок скрутили уже давно. По этому вопросу отрядное начальство в дискуссии не вступало. Нельзя и всё. Ходили слухи о неуловимом снайпере, который лет двадцать назад сбежал из лагеря в Хакасии и, пока не вызвали промысловиков с собаками, уложил всю охрану. Бил исключительно в висок. Ориентируясь по звездам на погонах. С тех пор на «бурундучий фронт» профессионалы не попадали. Как и уголовники-рецидивисты.

Первое время в отряде Андрея поразило числу «политических». Конечно, встречались и хулиганы, и насильники, и бухгалтера проворовавшиеся, однако «заговорщиков» без труда хватило бы на три революции.

Винтовка опять сползла, и при каждом шаге ствол больно ударял по затылку. Андрей хотел поправить, но запнулся об корягу и, потеряв равновесие на мокрой траве, с треском влетел в куст боярышника.

– Э, Студент, ты чего? – засуетился Кукиш. – Руку давай! Больно?

– Всё, не могу дальше идти, – прохрипел Андрей, потирая ушибы. – Давай привал сделаем.

Пока Андрей перематывал портянки и разглядывал мозоли, Кукиш набрал в котелок немного брусники. Заели ягодами сухой паек, и запили водой из фляжки. Если верить карте, идти оставалось около пятнадцати километров. Примерно, часов на пять. Скоро лес кончится, потом несколько километров по болоту придется прыгать с кочки на кочку, а дальше верховья реки Демьянки, которая в тех местах, говорят, не шире двадцати метров. Чтоб дойти до зимовья засветло, придется поторапливаться.

Кукиш, видимо, подумал о том же.

– Пора, Студент. Скоро темень наступит, хоть глаз выколи. Бля буду, неохота в тайге ночевать.

Еще несколько часов перехода измотали их обоих. Кукиш уже не забегал далеко вперед. Все меньше жестикулировал, а все больше молчал или вполголоса проклинал отрядное начальство и лично подполковника Квашу.

В сумерках уже вышли к Демьянке. Кукиш вдруг резко тормознул и смолк. Задремавший на ходу Андрей едва не ткнулся ему в «сидор».

– Слышишь? – спросил Кукиш, пятясь назад.

Андрей прислушался. Странная тишина. Тяжелая, ватная. словно резко повысилось давление. Даже язык прилип к гортани.

Преодолев оцепенение, Андрей дернул за ремень винтовки. Она не поддалась. В панике он дернул изо всех сил и едва не зацепил напарника тяжелым прикладом. Андрей даже не заметил, как тот оказался сзади. Метрах в десяти качнулись ветки умирающей ели. Внезапно обрушились звуки. И с криком потревоженной птицы, он услышал громкий хруст, словно какое-то большое тело проламывалось сквозь заросли багульника. Ритмичный шум удалялся, пока совсем не растворился в густой черноте урмана. Осталось лишь дыхание Кукиша за левым плечом.

Только тут Андрей вспомнил, что не передернул затвор и даже не снял винтовку с предохранителя. А ведь это мог быть бурундук...

– Твою мать, – выдохнул Кукиш и закашлялся.

«Отметка-59» – самое дальнее зимовье третьей Заставы. Использовалось оно редко, и вид имело весьма плачевный. В первый же день Кукиш произвел осмотр заимки, долго вздыхал и, наконец, авторитетно заявил:

– Надо поправить матицу.

Андрей имел смутное представление о том, где находится матица, поэтому поверил своему напарнику на слово. Пошарив по углам, Кукиш нашел какой-то топор, и пару часов ходил вокруг заимки, сосредоточенно постукивая то там, то тут. Андрей, как неквалифицированный специалист, в это время пытался привести в порядок комнату: вымести завалы пыли, убрать по углам паутину. В конце концов, ржавый топор сорвался с топорница и улетел метров на пятнадцать, обломив молодую березовую поросль, а Кукиш свалился и проломил крышу лабаз. На этом ремонт матицы закончился.

На следующее утро он взялся восстанавливать лабаз.

По ним Кукиш оказался большим специалистом. Пока искали топор, он долго объяснял Андрею предназначение, устройство и модификации лабазов, которых оказалось великое множество. Сибирские охотники, к примеру, сколачивали деревянный короб с квадратным лазом, который закрывали прочным ставнем, затаскивали на ближайшую лиственницу и крепили на высоте первых надежных ветвей. Затем, для полной уверенности, ошкуривали ствол дерева, чтоб не добралось до припасов разное зверье.

К их припасам зверье добралось без труда. Через дыру в крыше. Глядя на разбросанные по земле продукты, Кукиш почесал в затылке.

– Не иначе росомаха к нам в гости наведалься, – сказал он и принялся собирать остатки. – Надо новый лабаз делать.

Тут уж Андрей высказал всё, что думал о его способностях делать лабазы и поправлять матицы. Кукиш обиделся и целый день молчал.

На первую охоту они вышли только через неделю. Андрей «обновил» винтовку, пристрелив глухаря. Кукиш тоже не удержался и разнес картечью белку. От бедняжки остался лишь кусок окровавленного хвоста, однако, гордый охотник немедленно приторочил его к ушанке. На счастье!

После той встречи в еловом урмане у реки энтузиазма Андрей не проявлял. Кукиш над ним подшучивал, но и сам особо не рвался в бой. От заимки они старались далеко не уходить. Потом немного привыкли к таёжному быту и продвигались все дальше по лесным тропам. Страхи утихли, осталось разве что постоянное напряжение и настороженность. Зверья попадалось много. И зайцы, и белки, и барсуки, и нутрии. Частенько встречались такие представители таёжной фауны, которых Андрей просто не знал. Естественно, разносторонне образованный Кукиш тут же объяснял ему, что это, к примеру, куница или колонок. Но к информации, исходящей от напарника, Андрей теперь относился с некоторым скептицизмом. Может и не всегда справедливо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.